

ФИНАНСОВЫЕ ТЕОРИИ И ФИНАНСОВЫЕ ИНСТИТУТЫ: МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ОТНОШЕНИЙ

С позиций деятельностной методологии делается попытка проанализировать отношения между теориями (концепциями) финансовой науки и социальными институтами практической финансовой деятельности. Финансовые институты рассматриваются как специальные механизмы практической реализации финансовых теорий. Приводятся структурные модели этих отношений. Показывается принципиальное отличие финансового теоретического знания от естественно-научного: первое основано на институционально-процедурном опосредовании объектов исследования, второе – на инженерно-семиотическом. Формулируются логические следствия такого различия и вытекающие из них практические выводы, имеющие принципиальное значение для современной, быстро меняющейся практики финансовой деятельности.

Ключевые слова: научное знание, финансовая теория, концепция, институт, процедурное опосредование.

Yu.M. Berezkin

FINANCIAL THEORIES AND FINANCIAL INSTITUTES: A METHODOLOGICAL ANALYSIS OF RELATIONS

An analysis of relations between financial theories (conceptions) and social institutes of a practical financial activity has been made using an activity-based methodology. The financial institutes are viewed as special mechanisms for a practical implementation of the financial theories. There are structural models of these relations revealed. There is a difference between theoretical financial knowledge and natural science knowledge. The first is based on the institutional intermediation of research objects. The latter is based on the engineering and semiotics one. The logical conclusions and consequences of this difference are formulated. They are of a great importance for modern, frequently changing financial practice.

Keywords: scientific knowledge, financial theory, conception, institute, procedural intermediation.

Введение

За последние четверть века Нобелевский комитет присудил четыре раза премии по экономике за пионерные работы по проблемам общественных институтов¹. Это вызвало повышенный интерес к данной тематике исследователей многих стран, в том числе российских. В списке источников, использован-

¹ Р. Коузу (1991 г.), Д. Норт (1993 г.), Л. Гурвицу, Р. Майерсону и Э. Маскину (2007 г.), О. Уильямсону и Э. Острум (2009 г.) [27].

ных для написания данной статьи, приведена лишь малая часть таких работ, опубликованных в последние годы [2; 7; 17; 19; 22; 27; 28; 42].

Абсолютное большинство авторов, пишущих на институциональную тематику, работают в тех направлениях, которые были обозначены еще классиками институционализма: это – проблемы трансакционных издержек и их измерение, а также проблемы изменения (становления, трансформации) самих институтов и влияние этих изменений на общество в целом и экономику в частности.

В данной статье делается попытка взглянуть на институты, конкретнее – на финансовые институты, несколько под другим углом зрения: финансовые институты рассматриваются в качестве специальных механизмов практической реализации финансовых теорий.

Анализ отношений между финансовой теорией и финансовым институтом проводится с позиций и с использованием понятийного инструментария деятельностной методологии, развитой в 1950–90-е гг. в многочисленных работах Московского методологического кружка (ММК), возглавляемого (вплоть до своей кончины в 1994 г.) выдающимся мыслителем современности Г.П. Щедровицким [43–46]. В работе также использованы идеи учеников Щедровицкого: С.В. Попова [28–31], Г.Г. Копылова [13], В.Г. Марача [17].

Применительно к рассматриваемой теме важнейшими отличительными особенностями используемого здесь подхода, является следующее:

– в основе подхода лежит онтологическое предположение, что люди живут не в природе, а в мире деятельности [43, с. 143]. Экономика и финансы – особые типы деятельности, требующие адекватного мыслительного инструментария для своей организации и представления;

– традиционная формальная («линейная») логика признается «непригодной для исследования мыслительной деятельности» [там же, с. 38]. Для этого в ММК была разработана специальная – содержательно-генетическая – логика «мыслительного движения» по «этажам» формального и содержательного представления рассматриваемого объекта. «Схемы содержательно-генетической логики дают нам возможность изображать делаемое. Мы впервые начали изображать то, что мы делаем в мышлении», – писал Г.П. Щедровицкий [45, с. 5];

– в отличие от распространенных социально-психологических трактовок, культура¹ здесь понимается в качестве механизма воспроизводства деятельности: как нормы, образцы и способы деятельности, существующие на внешних (объективных) носителях, транслируемые (в поколениях) по специальным каналам и реализуемые в ситуациях деятельности людей [43, с. 51–54]. Институты «стягивают» на себе слой культурных норм и слой деятельностных ситуаций.

Статья состоит из настоящего введения, трех разделов и заключения. В первом разделе кратко описаны методологические условия формирования и практической реализации классического естественно-научного знания. Это необходимо для того, чтобы в последующем показать принципиальные отличия и финансовых теорий (от естественно-научных) – раздел 2, и способа их прак-

¹ От лат. culture – делание, возделывание. «Агрокультура» была исторически исходным деятельностным проявлением данного понятия.

тической реализации – раздел 3. В отличие от предметного теоретического знания естественной науки, транслируемого в культуре и находящего свою реализацию в условиях искусственно организованного научно-инженерного эксперимента, финансовое знание – относительно «коротко живущее», носит концептуальный характер (т. е. создается под определенный тип действий людей) и реализуется в функциональных структурах финансовых институтов.

В заключение сведены выводы и практические следствия, вытекающие из специфической формы предметного финансового знания и институционально организованной практики финансовой деятельности.

1. Условия формирования и реализации естественно-научного знания

В методологических работах [14; 29; 32; 38; 45; 46] показывается, что базовыми мыслительными операциями, формирующими знания естественно-научного типа, являются:

- а) замещение объектов исследования их знаковыми формами;
- б) осуществление операций с выделенными знаковыми формами;
- в) отнесение результатов, полученных в знаковых формах, к объектам изучения.

В самом общем виде схему-принцип мыслительной операции, нормативно осуществляемой при формировании классического научного знания, можно представить так (рис. 1; [2; 43; 45]).

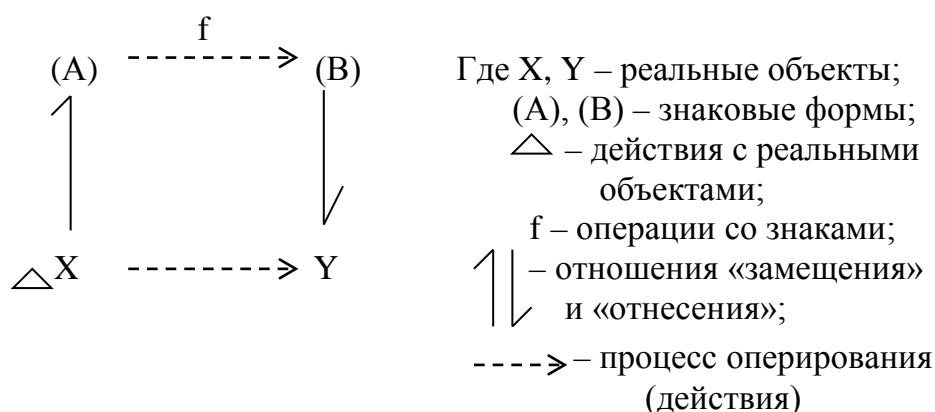

Рис. 1. Схема логической структуры атрибутивного знания

Данным принципом руководствуются при построении знания практически во всех естественно-научных дисциплинах – от самых простейших (например, при подсчете каких-то вещей) до сложнейших профессиональных инженерно-технических расчетов.

Заслугой европейской философии является принятие фундаментального положения, ставшего впоследствии важнейшей предпосылкой наук Нового времени: мыслительные операции со знаковыми формами возможны при условии, что за объектами изучения стоит особый мир идеальных сущностей. У Платона он назывался «миром идей» [26], у Аристотеля – «метафизикой» (т.е. тем, что стоит «за» физикой) [1], в немецкой классической философии –

«трансцендентальным разумом» [10]. К. Поппер назвал это «миром сущностей, или содержаний как таковых» [32]. С.Н. Булгаков в своей «Философии хозяйства» [4] писал: «Трансцендентальная природа знания в настоящее время (т.е. в начале XX в. – Ю. Б.) может почитаться более или менее выясненной» [4, с. 95].

Естественно-научные знания стали возможны с тех пор, когда ученые начали строить для каждой науки свой собственный мир идеальных сущностей, абстрагируясь при этом от несущественных (для конкретной науки) свойств реального мира. В результате появилось «много метафизик» – идеальных действительностей разных наук, получивших после Гоклена [12, с. 406] и Лейбница [46, с. 535] название «онтология» (от греч. *ontos* – сущее). Каждая наука стала базироваться на своей собственной частичной онтологической картине реальности (онтике).

Данный постулат научного знания можно представить следующей структурно-логической схемой (рис. 2; [2, с. 54]).

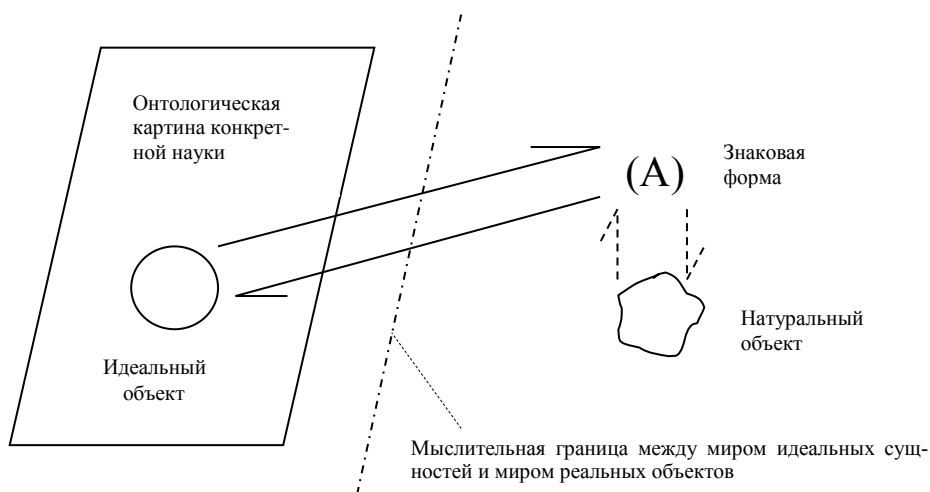

Рис. 2. Место онтологии в структуре научного мышления

Принципиальным предположением получения естественно-научного знания является: мыслительные операции в знаковых формах возможны только по отношению к свойствам идеальных объектов (моделей), построенных в рамках онтологической картины соответствующей науки. Данный постулат покоится на предпосылке, что любые объекты реальности даны человеку (человеческому сознанию) лишь в превращенных (и в этом смысле – превратных, искаженных) формах [14; 15]. Без опосредования идеальной действительностью адекватное описание реальности невозможно. Чтобы идеальный объект, выделенный в рамках конкретной онтики, мог стать объектом изучения науки, он должен отвечать определенным требованиям [2; 29; 32]:

- рассматриваться как «существующий сам по себе», независимо от исследователя, объективно;
- быть неизменным во времени; а если меняться, то – по неизменному, объективному и познаваемому закону;

– подлежать описанию в знании, которое должно получаться методически правильно, поддаваться объективированию (т.е. фиксироваться на внешних носителях) и не зависеть от субъективных мнений людей; метод должен позволять воспроизводить научный результат (знание) при его применении в другом месте и в другое время;

– не зависеть от знания, получаемого и накапливаемого об объекте, а ученый-исследователь должен быть пассивным созерцателем по отношению к объекту изучения¹.

Данная совокупность требований получила название «атрибутивных (т.е. внутренне присущих) свойств» объекта исследования. А научные знания, получаемые при выполнении указанных требований, относят к классическому типу естественно-научных (атрибутивных) знаний [2, с. 55; 29, с. 55; 46, с. 4].

Данные предпосылки обусловили центральное место объекта среди других факторов (задач, методов, языков представления, логик, эмпирических фактов), необходимых для получения атрибутивного научного знания. Все они «привязываются» к идеальному объекту и образуют особую организованность научного мышления, называемую «научным предметом» [2, с. 56; 43, с. 642]. Отсюда вытекает и форма организации самой науки: не только знание носит предметный характер, но и наука оказалась (после XVII в.) организованной предметным образом, разделенной на предметные области – физику, химию, экономику, финансы и т.д. Каждая естественная наука строит собственную «организационную машину» исследования природной реальности – с собственной частичной онтологией (онтикой), своими идеальными объектами, задачами, методами и другими предметными инструментами исследования.

Переход к построению предметного теоретического знания на основе идеальных онтологических представлений об устройстве мира повлек за собой получение законов и выводов, резко расходившихся с эмпирически (опытно) фиксируемыми фактами. Заслуга и мужество (так как за подобные утверждения можно было сгореть на костре инквизиции) основателей Новых наук состояли в том, что они принципиально отказались от сбора и регистрации естественно наблюдаемых (эмпирических, или натуральных) фактов как способа подтверждения (опровержения) научного знания [2, с. 56; 44, с. 148]. Взамен отвергнутого натурального опыта как способа подтверждения теоретических гипотез и выводов был предложен специально организованный инженерно-деятельностный эксперимент. Это означало, что был придуман качественно новый (неизвестный до XVII в.) способ обоснования умозрительных теоретических конструкций учебного. Реальность стала искусственно «подгоняться» под идеальные теоретические конструкции. За счет инженерной организации условий реальности теоретические законы идеальных объектов, описываемые в предметном знании, должны были в точности подтверждаться. Но – только в искусственно (инженерно) созданных условиях научного эксперимента [2, с. 57; 46, с. 495].

¹ С.Н. Булгаков, характеризуя познающего субъекта («гносеологического субъекта»), писал: «Перед таким субъектом или, точнее, в нем самом, в его сознании, происходит театральное представление, развертывается жизнь, которой он только зритель, смотрящий со своего кресла, сам ни в чем не участвуя» [4, с. 83].

Г.Г. Копылов, посвятивший жизнь разработке методологии естественных наук, писал по данному вопросу: «...У каждой науки есть свой «технический спутник» – соответствующая инженерия. Под ней... понимается совокупность знаний и приемов, которая... имеет конструктивно-техническую направленность (то есть знания отвечают не на вопрос «как устроено...?», а «как сделать, чтобы...?» или «что будет, если...?»)... Так, параллельно с наукой механикой существует – под тем же именем – механика как инженерия; инженерией для биологии человека служит медицина, для генетики – геновая инженерия и т.п.» [13, с. 16, 18].

Описанный принцип можно представить следующей структурно-логической схемой (рис. 3; [2, с. 58]).

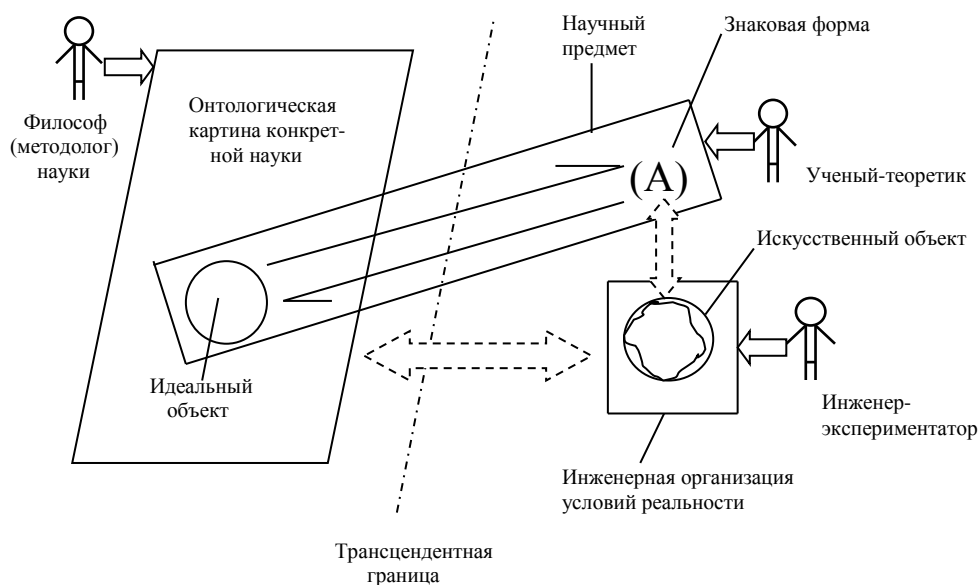

Рис. 3. Место инженерии в структуре естественной науки

На рис. 3 показано, что предметно организованная наука является сложной координацией интеллектуальной деятельности трех типов:

- по формированию онтологической картины соответствующей науки с выделением идеальных объектов (позиция философа или методолога науки);
- по предметно-теоретическому описанию в знаковых формах идеальных объектов (позиция ученого-теоретика);
- по технической организации условий реальности для экспериментального подтверждения теоретических знаний (позиция инженера-экспериментатора).

2. Концептуальность финансовых теорий

Анализ значительного массива работ дореволюционных [9; 18; 20; 21; 24; 41; 47; 49] и современных ученых-финансистов [16; 33; 34], изучавших вопросы истории финансовой науки, показал, что первой стала оформляться наука о государственных финансах¹ капиталистической (рыночной) экономики.

¹ К. Эеберг по этому поводу в 1913 г. писал однозначно: «Под выражением «финансовая наука» понимается обыкновенно наука о государственных финансах» [47, с. 5].

На XVIII–XIX вв. (как на период первичного оформления науки о государственных финансах) указывают практически все известные ученые-финансисты прошлого: С. Иловайский [9, с. 29–32], Ф.А. Меньков [18, с. 10–11], Ф. Нитти [21, с. 15–16], И.Х. Озеров [24, с. 71–72], Л.В. Ходский [41, с. 14–15], И.И. Янжул [49, с. 50].

В ходе анализа указанных выше работ было выявлено следующее.

Во-первых, данные авторы отчетливо различали «финансовую науку», «финансовую политику» и «финансовое право». Финансы как «чистая наука» [41; 47] должна «объяснять и описывать факты», «устанавливать закономерности финансовых явлений». Политика должна говорить, как действовать. А право – вводить в жизнь искусственные конструкции и классификации. При этом финансовая наука не должна содержать «правил», «способов деятельности» и «оценок деятельности» [9; 21; 49].

Во-вторых, предметом финансовой науки абсолютное большинство ученых полагало либо «принципы рационального финансового хозяйства», либо «способы ведения финансового хозяйства», либо «финансовые институты». Между тем и то, и другое, и третье находится явно за пределами классической формы научного предмета¹.

Если не допускать, что знаменитые финансисты начала XX в. были недостаточно грамотны (это было бы весьма сомнительным допущением), тогда мы должны сделать вывод, что финансовая наука имеет предмет, качественно отличный от классических предметов естественных наук Нового времени. И требуется на методологическом уровне разбираться с устройством этого «странного» предмета финансовой науки.

К этому же выводу подталкивают и указания ряда авторов на «способы добывания материальных средств» и на «жизнь финансовых институтов» как на предметные области финансовой науки. Все это говорит об одном: финансовая наука не может быть отнесена к наукам, организованным по образцу естественных наук. Даже когда отстаивается право на существование «чистой финансовой науки», авторами все равно выделяются такие предметные области, которые имеют смысл только в процессе заинтересованной, целенаправленной деятельности (целевого действия) людей [2, с. 62].

Еще И. Кант констатировал связь между знанием и точкой зрения, на базе которой это знание получено, т. е. принципиальную заинтересованность всякого научного знания [10]. Кант это обосновал, анализируя устройство естествен-

¹ Принципы не могут быть знаковой формой какого-либо объекта. Любой принцип – это всегда логическая установка для действия людей. Принципам следуют. Описывать их как научный объект бессмысленно. И «принципы рационального ведения финансового хозяйства» не являются каким-то исключением: они не могут служить предметом финансовой науки, если ее понимать классически (т.е. отвечающей сформулированным выше требованиям научности). Принципы нужны любому действующему лицу (в том числе государству как субъекту деятельности) для организации (упорядочения) своей финансовой деятельности, а не для описания и объяснения их из позиции нейтрального наблюдателя-исследователя. А. Смит, формулируя свои знаменитые четыре принципа налогообложения, делал это отнюдь не в описательном залоге. У Смита это были, как очень точно отмечают авторы «Общей теории финансов», «принципы целесообразной организации налогообложения» [23, с. 210], т.е. как следует действовать, чтобы организовать то, чего еще нет. Как бы в подтверждение данного тезиса В.М. Пушкарева пишет: «С момента провозглашения А. Смитом принципов налогообложения до внедрения их в финансовую практику прошло более столетия» [33, с. 74].

но-научного знания, в частности, физического. В отношении же финансов (как типичной общественной дисциплины) данное положение еще более значимо, поскольку здесь знания практически в явном виде используются в качестве средства деятельности, а ученый-финансист не может быть пассивным наблюдателем (как того требует организация классической естественной науки). Об этом писал еще в 1908 г. И.Х. Озеров: «Наше время – время финансовой ломки, а это заставляет деятелей науки покидать свои кабинеты и идти на поле битвы... Разбив скорлупу теории, этого плода якобы спокойной кабинетной мысли, вы нередко находите в ней завернутую пулю, направленную в грудь противника» [24, с. 37].

Отсюда многочисленные финансовые «теории-однодневки», описания которых можно найти у Ф. Нитти. В заключение своего анализа финансовых теорий, возникших в XVIII–XIX вв., Ф. Нитти делает вывод: «Все эти теории отражают на себе влияние той исторической обстановки, в которой они возникли: они являются прямыми выводами из политических представлений, по большей части уже отживших свое время» [21, с. 40].

Историко-методологический анализ финансовой науки, проведенный за рубежом (М. Вебер [6]), а также в нашей стране (С.В. Попов [28; 29]), показал следующее. Идея о том, что «чистая финансовая наука» должна изучать «законы причинности финансовых явлений» [18, с. 4] или «закономерность финансовых институтов» [5, с. 45], могла возникнуть лишь на весьма ограниченном историческом отрезке XIX в., когда институты капиталистической формации окончательно устоялись и возникла иллюзия, что экономические (рыночные) законы столь же объективны и независимы от сознательного регулирования со стороны людей (и государства), как и законы природы. Но события конца XIX и особенно XX в. быстро развеяли эту иллюзию ученых: оказалось, что и общество, и институты поддаются целенаправленным изменениям, а экономические и финансовые «законы» искусственно создаются целевым (телеологическим) образом.

Известно, что весь XX в. прошел в непрерывном противостоянии двух основных школ западной экономической мысли: кейнсианской и неоклассической, что предопределило и два главных направления в теориях финансов [11; 35; 39].

Финансовая доктрина Дж. Кейнса [11] родилась в результате рефлексивного осмысления той практической политики, которую ее автор проводил, находясь на посту министра финансов Великобритании в годы «Великой депрессии» 1929–1933 гг. Он не только первым заявил о необходимости прямого государственного вмешательства в экономику капиталистических стран, но разработал и практически осуществил финансовые механизмы такого вмешательства. Оно основывалось на идее обеспечения государством «эффективного спроса», а роль непосредственного инструмента такого регулирования отводилась налогам, которым были приданы функции «встроенных стабилизаторов» [там же, с. 288]. По сути, Кейнс разработал принципиально новую теорию госу-

дарственных финансов¹, направленную на государственное регулирование экономики. После второй мировой войны появились новые идеи в русле кейнсианского направления: «циклического балансирования» (Э. Линдаль и другие представители стокгольмской школы), «бюджетного накачивания» и «компенсирующего бюджета» (Ф. Неймарк) и др.

Наряду с развитием кейнсианской финансовой школы на Западе с середины XX в. активизировалось неоклассическое направление в финансовой науке («школа ортодоксов»). Неоклассическое направление финансов строилось на идее стимулирования роста сбережений населения с целью увеличения частных инвестиций и, тем самым, расширения производства и предложения товаров. Логика воздействий на экономику со стороны финансов как бы переворачивалась. Обусловлено это было совершенно новой ситуацией, сложившейся к тому времени в мире [48]. Представителями неоклассического направления, внесшими наиболее заметный вклад в его развитие, являлись Г. Стайн, М. Фридмен, А. Лаффер – в США, Дж. Хау, А. Уолтерс, К. Джозеф – в Великобритании. Практическая реализация идей финансистов-неоклассиков была связана с политикой, проводимой в США Р. Рейганом, а в Великобритании – М. Тэтчер.

Концептуальный² характер финансового знания становится особенно наглядным тогда, когда речь заходит о теориях управления финансами фирм (корпораций), получивших название «финансовый менеджмент». В этом случае вообще даже не предполагается, что финансовая наука «выявляет причинно-следственные связи» или «описывает объективные законы финансовых явлений». В Предисловии к своему двухтомнику «Финансовый менеджмент» Ю. Бригхем и Л. Гапенски прямо пишут: «Прикладная дисциплина финансовый менеджмент как наука посвящена методологии и технике управления финансами крупных корпораций» [3, с. XI]. И далее: «Большая часть... теорий (финансов. – Ю. Б.)... диктует финансовым менеджерам, что им следует делать» [там же, с. 1].

Теории финансового менеджмента (как и современные теории государственных финансов) не позволяют получать финансовые знания, транслируемые в поколениях (что характерно для знания классического естественно-научного типа). Получаемые здесь знания носят характер «разовых», или ситуативных. «В тех случаях, когда теория не соответствует практике, нужно модифицировать теорию, добиваясь ее соответствия практике, или же отказаться от нее в пользу иной, лучшей теории» [там же, с. 2].

Теории финансового менеджмента строятся под заранее предполагаемое действие, а поэтому обладают ярко выраженным «предвзятым характером». Ю. Бригхем и Л. Гапенски об этом пишут определенно: «Часто теории начинаются с некой идеи о том, как должны вести себя люди или фирмы, а затем уже

¹ Хотя, справедливости ради, следует сказать, что в его «Общей теории занятости, процента и денег» не встречается даже термина «государственные финансы».

² Основополагающая идея (совокупность основополагающих идей), на которой должно строиться будущее действие и под которую затем строят исследование и получают знания, называется «концепцией» [12, с. 263].

разрабатывается формализованная теория, конкретизируя это поведение. Такая теория неизменно оказывается верной лишь при наличии определенного набора исходных условий» [там же]. Поэтому финансовое знание, которое получают финансовые менеджеры с помощью таких теорий, является не только ситуативным, но и условным, т.е. верным с точностью до принятых исходных условий (предпосылок, допущений). Среди ключевых допущений, заложенных в основании большинства теорий финансов, чаще всего называют два:

– *рынок капитала должен быть идеальным (совершенным)* [3, с. 2; 16, с. 64;

– *агенты рынка (экономические субъекты) – индивидуальны («атомарны») и рациональны* [16, с. 117, 119; 37, с. 48; 42, с. 46].

Данные предположения служат основаниями таких широко известных теорий финансового менеджмента, как теория дисконтированного денежного потока (Дж. Уильямс), структуры капитала (Ф. Модильяни и М. Миллер), оценки финансовых активов корпорации (У. Шарп), эффективности рынков (Э. Фама и В. Мэлкайл). По поводу реалистичности посылок, на которых построены теории финансового менеджмента, Ю. Бригхем и Л. Гапенски замечают: «Очевидно, что большинство из этих условий в реальном мире не соблюдаются: существуют налоги и брокерские затраты, физические лица часто не имеют такого доступа на рынок, какими располагают корпорации, менеджеры зачастую лучше осведомлены о перспективах своих фирм, чем посторонние инвесторы и т.д.» [3, с. 3]. На нереалистичность предположений, лежащих в основе абсолютного большинства экономических и финансовых теорий, также обращают внимание институционалисты [22; 40], посткейнсианцы [37] и методологи [28–30].

Как же тогда можно объяснить, что при столь явной неправдоподобности исходных посылок, на которых строятся финансовые теории, они до сих пор используются финансистами-практиками? При чем, небезуспешно.

С нашей точки зрения, объяснения следует искать в способе практической реализации теоретического финансового знания.

3. Институт как способ реализации финансового знания

В разделе 1 было показано, что качественный скачок в развитии естественных наук произошел в XVII в., когда был найден принципиально новый способ подтверждения теоретических идеализаций. Таким способом стал инженерный эксперимент, который обеспечивал искусственные условия, необходимые для осуществления в реальности теоретических построений науки.

Практическое использование финансовых теорий (концепций), с нашей точки зрения, тоже связано со специфическими условиями их реализации. И такие условия стали обеспечиваться (в XIX, и особенно в XX в.) за счет институционализации организационных механизмов реализации теоретических финансовых положений. Разумеется, банки, биржи и многие другие организационные структуры финансовой деятельности были известны задолго до XIX в. Однако только в XIX в. финансовые организации стали постепенно превращать в институты, работающие не только по строго установленным и не меняющимся длительное время нормам и правилам, но и обеспечивающие локальную (толь-

ко в пределах пространства соответствующего института) выполнимость идеальных предпосылок финансовых теорий [2, с. 71].

Вопрос о взаимосвязи теоретических конструкций финансов и практически работающих финансовых институтов исследован в литературе все еще крайне слабо. Даже классики институционального направления экономической мысли (Р. Коуз, Д. Норт и др.) описывают лишь внешние характеристики институтов и те экономические эффекты, которые институтами вызываются (например, снижение трансакционных издержек). На наш взгляд, этого явно недостаточно, поскольку тем самым упускается из вида одна из важнейших особенностей любого общественного (в том числе финансового) института – его функциональная процессуальность. Мало сказать, что институт – это «совокупность норм и правил» [7; 19; 22]. Едва ли ни главное в институте – та организованная динамика, которая позволяет «канализировать» (направлять) человеческую активность строго определенным (идеальным) образом. Институт вынуждает действовать человека, попадающего в структуру его функциональных мест не так, как ему самому хочется, а так, как предписывают правила функционирования институционализованного механизма, в частности – финансового механизма, если речь о каком-либо финансовом институте [2, с. 72].

Ближе всех к данной проблеме финансовой науки в свое время подошли те ученые, которые разрабатывали проблемы финансового механизма в условиях советской институциональной организации финансов: М.А. Пессель [25], В.К. Сенчагов [36] и В.П. Иваницкий [8]. Однако указанные авторы делали это лишь в предметном, описательном залоге, но не с точки зрения его использования в качестве организационного механизма реализации финансовых теорий. В таком контексте проблема впервые была напрямую поставлена представителями московской школы деятельностной методологии [17; 28].

Прежде всего, в деятельностной методологии принято различать понятия «организация», «учреждение» и «институт». «Организацию» (в отличие от «института») всегда создают под какую-то цель и по ее достижении она может быть ликвидирована. Здесь понимание «организации», практически, то же, что и у Д. Норта, когда он организации называет «игроками», целенаправленно действующими на экономическом поле, в то время как институт выполняет функции «рамок» (норм, правил и ограничений), в которых действуют игроки-организации [22, с. 19]. Любой институт тоже имеет организационную составляющую. Но, в отличие от «организаций» как таковых, «институты» (в том числе финансовые) возникают в длительных процессах исторического становления, поскольку обязательно имеют социокультурную миссию¹. В этом отношении методологические представления об институтах резко отличаются от встречающейся в экономической литературе

¹ Благодаря замыканию на культуру, «...институты живут долго. И формируются они тоже очень долго – века (несколько поколений людей). Их нельзя «сделать» чисто искусственным путем, но их и очень трудно разрушить... Существование института, как правило, связано с определенным набором культурных образцов поведения и действия, который «запечатывается» в социальную форму, а этой форме (институции) приписывается вечный и сакральный характер» [28, № 2, с. 36].

«учрежденческой» трактовки институтов, когда авторы предполагают, что институт можно спроектировать и учредить, например, по закону или приказом вышестоящей организации (учреждения) [7]. «Учреждение» – всего лишь организационно-правовая оболочка института, его форма, в то время как содержание любого института коренится в культуре (нормах культуры) и нравах людей, пользующихся институтами того общества, в котором они живут.

С позиций деятельностной методологии, и другая точка зрения (иду­щая от Дж. Коммонса и Р. Коуза, ставшая, благодаря работам Д. Норта, популярной у российских авторов [7; 19; 27]), является несколько зауженной, упускающей из рассмотрения едва ли ни главное в понятийной структуре института. Согласно этой точке зрения, «институты» в обществе возникают благодаря существованию трансакционных издержек [22, с. 45]. В традиционной экономической логике этот аспект понятия «институт» действительно важен, спора нет. Но он не может объяснить, в частности, почему возникли в истории и существуют уже тысячелетия другие, неэкономические институты – институт власти, институт семьи, институт церкви. Да и институт права как прямой носитель норм и правил общежития и деятельности людей сложился у древних римлян, когда никто никаких издержек (ни трансформационных, ни трансакционных) не считал, поскольку не было экономических понятий в принципе.

С нашей точки зрения, институты (в том числе финансовые) возникли, прежде всего, для того чтобы в чрезвычайно изменчивой «ткани» общественных отношений постоянно *восстанавливать идеальные абсолюты*, важные для воспроизводства общества. С.В. Попов пишет на этот счет очень точно: «Всякое изменение нарушает социальную определенность, что порождает хаос в отношениях между людьми. Следовательно, должны были возникнуть социальные структуры, противостоящие изменениям, сохраняющие традиции и культуру, ограничивающие возможность произвола и воспроизводящие структуры жизни независимо от внешних факторов. Такие структуры получили название институций (от лат. «установление», «устройства»)… Роль институтов в жизни общества – быть неизменными, постоянными образованиями в социальной жизни общества; образно говоря, институты – «твердые тела» общественной жизни и истории, которыми никто не может управлять… Стремление к институционализации очень велико во всяком обществе – это обеспечивает неизменность и спокойствие жизни»¹ [28, № 2, с. 36–37].

На рис. 4 схематизированы [2; 17] в обобщенном виде практически все сущностные характеристики, которые, так или иначе, упоминаются у разных авторов, писавших об «институтах».

¹ Это вполне корреспондирует с позицией Д. Норта: «Институты уменьшают неопределенность, структурируя повседневную жизнь» [22, с. 18]. И в другом месте он же пишет: «Институты существуют для уменьшения неопределенностей, сопровождающих взаимодействия между людьми» [там же, с. 43].

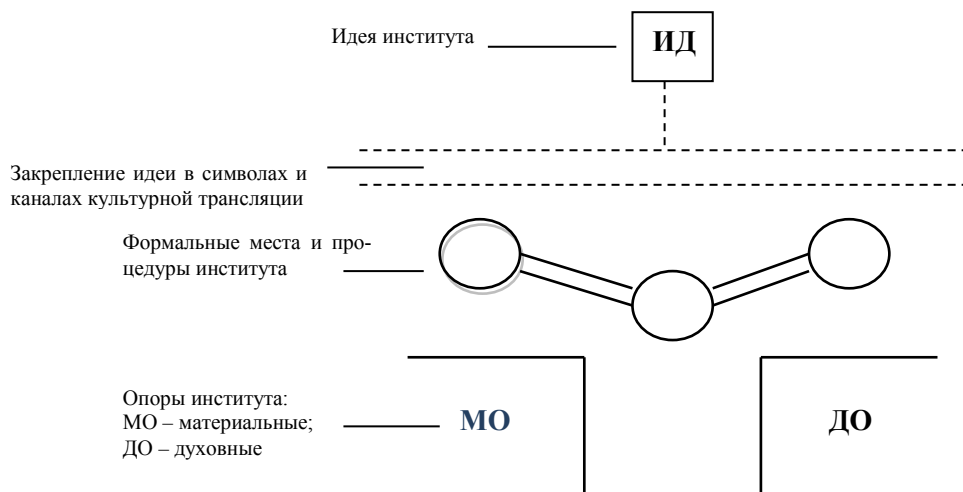

Рис. 4. Схема состава института

Любой институт отличается от простой организационной структуры (учреждения) тем, что он всегда несет в себе некую священную миссию, сакральный смысл, абсолютную или ценностную идею. У института власти – идея Порядка, у института церкви – идея Бога, у института науки – идея Истины, у института права – идея Справедливости, у института рынка – идея Обмена.

Идея института сама по себе существовать не может, поэтому она всегда имеет символическое закрепление: сюда входят как «чистые» символы (типа иконы у института церкви или докторской мантии у института науки), так и писанные правила и нормы (законы, кодексы и т. п.), а также архитектурная символика (сам вид здания института суда должен внушать уважение и страх одновременно).

Любой институт всегда содержит специально организованное пространство функциональных мест с жесткими процедурами взаимодействия между ними. За счет этого функционального механизма обеспечивается одно из главных назначений института: организовывать взаимодействие между людьми, попавшими в те или иные места института, по строго определенным (идеализированным, закрепленным в культуре) нормам и правилам. Именно данная компонента финансового института (и любого другого) позволяет придавать статус реальности (но локальной, только в пределах функционального пространства института) абсолютно нереалистичным (в обычной жизни) предпосылкам теоретических построений. Человек, входя в пространство института суда, занимает определенное место – «истца», «ответчика», «судьи», «защитника» и т.д. Тем самым, с одной стороны, он лишается возможности вести себя произвольным образом (как это делает тот же человек в обыденной жизни), а с другой – приобретает возможность взаимодействия с другими функциональными местами (и находящимися в них людьми) по строго определенным (идеализированным) правилам. В результате такого идеализированного взаимодействия между функциональными местами создается принципиальная возможность восстано-

ления Справедливости в возникшей конфликтной ситуации реальной жизни [2, с. 73; 17, с. 11].

Все то же самое верно и в отношении функционирования любого финансового института. Например, пространство института фондовой биржи организовано именно как пространство взаимодействия не «живых людей», а идеализированных функциональных мест: «покупателя», «продавца», «маклера» (организатора торгов) и т.д. Попадая в это пространство, человек должен (!) вести себя именно как «рациональный homo economicus», а сам биржевой рынок организуется как «эффективный».

Наконец, в структуре любого института есть еще две обязательные составляющие, являющиеся необходимыми условиями: «материальные опоры» (МО) и «духовные опоры» (ДО) института.

МО – это те материальные вещи, на которые «посажен» институт: здания, технологии, оргтехника, инвентарь и проч., непосредственно используемые в процессе функционирования института. Без этой материальной компоненты ни один институт существовать не может. Любой финансовый институт также обязательно имеет такие материальные опоры своего существования.

ДО – подразумевает укорененность в «нравах людей» [17, с. 11]; это – «посадка» института на сознание людей, на их психику, то, что Д. Норт называет «неформальными ограничениями» [22, с. 56]. Без укорененности в сознании людей ни один институт существовать не может¹.

Данная схема, кроме наглядности представления состава понятия «институт», может быть использована в функции организационной схемы: она задает принципы, которыми должно руководствоваться при участии в становлении новых финансовых институтов. Кроме того, данная схема может, на наш взгляд, помочь разрешить отмеченную ранее проблему предмета финансовой науки, указав на то место, которое в ней занимают «принципы рационального хозяйства», «способы добывания материальных средств», «финансовые институты», о которых писали известные дореволюционные ученые-финансисты. Суть состоит в том, что финансовая наука (как и другие общественные дисциплины, например, юриспруденция [17]), имеет существенно более сложный предмет, чем любая естественная наука Нового времени. Как было отмечено в разделе 1 данной статьи, классическое предметное знание естественной науки организуется по принципу знакового (семиотического) опосредования объекта исследования (рис. 1). Финансовое знание организуется принципиально иначе – за счет процедурного (институционального) опосредования финансовых отношений (рис. 5; [2, с. 75; 17, с. 11]).

¹ Укорененности «рыночных ценностей» в сознании большинства россиян до сих пор, по прошествии четверти века их «насаждения», не случилось. Этим объясняется факт, что в России полноценных рыночных институтов западного типа так и не возникло. Поэтому, вместо финансовых институтов, в России действуют их «суррогаты» – финансовые учреждения, постоянно меняющие правила игры.

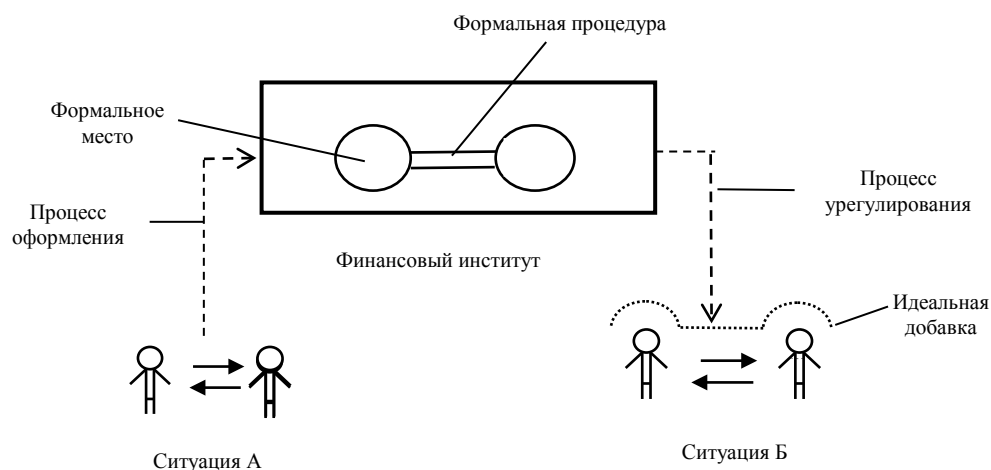

Рис. 5. Схема институционального опосредования финансовых отношений,

где «Ситуация А» – отношения реальных («живых») субъектов финансовой сделки; «Ситуация Б» – упорядоченные институциональной процедурой отношения между идеализированными субъектами сделки («физическими» или «юридическими лицами»; «брокерами»; «клиентами» и т.п.)

На рис. 5 показано, что в отличие от «косного» объекта естественной науки, объект финансовой деятельности (сделка, финансовый акт и т.п.) включает людей, способных мыслить.

Данная особенность финансовых объектов принципиально не позволяет построить предмет финансовой науки по образцу естественных наук: всякое описание объекта в знаковых формах меняет сам объект, и финансовое знание изначально становится искаженным [31, с. 2; 37, с. 35]. Соответственно, действия (и отношения) людей из-за этого могут приобретать произвольный, непредсказуемый (следовательно, нерегулярный) характер. В то же время любая деятельность (и финансовая в том числе) – по определению – должна носить регулярный, нормированный, воспроизводимый характер [30, с. 95; 43, с. 233].

Возникающее при этом противоречие человечество научилось решать двумя способами. Первый заключается в создании структур деятельности (предприятий, организаций), в которых регулярность и нормированность деятельностного процесса обеспечивается принудительно, за счет материальных факторов производства (функционирующей машиной, действующей технологией и т.п.). В этом случае человек проходит специальную подготовку: ему передают знания о работе на конкретной машине, тренируют навыки пользования данной машиной, создавая из него «узкого» специалиста. При этом человек неизбежно утрачивает какие-то личностные качества: работая на сложной технике (к примеру, оператором атомного реактора), он принципиально не должен действовать по своему произволу, поскольку за такими произвольными (субъективными) действиями может последовать техногенная катастрофа, иногда с необратимыми негативными эффектами¹. Отсюда всякий специалист, работа-

¹ Чернобыльская катастрофа яркий тому пример.

ющий в структурах материальной деятельности, с необходимостью вынужден превращаться в придаток машины. Возникает проблема «отчуждения деятельности», о которой писал в свое время К. Маркс [15, т. 1, с. 495].

Но данный способ упорядочения отношений людей совсем не действует там, где нет принудительного материального процесса (описанного в знаниевых формах естественных наук), и где нельзя пренебречь способностями человека ставить собственные цели и поступать по личному произволу. К таким нематериальным типам деятельности относится финансовая деятельность. Для того, чтобы в принципе стала возможной регулярная нормированная финансовая (равно как и правоохранительная, образовательная, политическая и т.п.) деятельность, человечество изобрело и укоренило в сознании («нравах») людей разные, в том числе финансовые, институты.

Теперь сформулируем *основной тезис*: «финансовый институт» – это такая социальная форма, которая опосредует финансовые отношения людей, придавая им определенную, культурно нормированную процедурную «идеальную добавку».

Человек, занимая какое-либо место в структуре функциональных мест института, тем самым оказывается внутренне вынужденным переоформить свои отношения с другими функциональными местами в соответствии с нормами и ограничениями данного конкретного института. К примеру, отношения «физического лица» с «налоговыми инспекторами» строго определены процедурами Налогового кодекса и Налоговой службы, и они не могут быть иными. Тем самым финансовые отношения становятся не только регулярными, но и прозрачными, предсказуемыми. Человек приобретает дополнительные степени свободы. В отличие от структур материальной деятельности, в финансовом институте субъективность человека не элиминируется. Наоборот, у него появляется возможность расчета своих действий и предсказания их возможных последствий (в том числе в виде финансового результата или санкций).

Обобщим сказанное, выделив принципиальные моменты [2, с. 76–77]:

1) природные объекты полагаются как «предмет», где всякая субъективность устраняется;

финансовые «объекты» включают мыслящих людей, субъективная активность переоформляется;

2) при знаковом опосредовании объекта исследования ведущими процессами являются «замещение – отнесение»;

при процедурном (институциональном) опосредовании финансовых отношений ведущими процессами являются «оформление – урегулирование» финансовых действий;

3) при оперировании со знаковыми формами руководствуются формальной логикой;

при функционировании финансового института руководствуются формальной (нормативной) процедурой;

4) при знаковом опосредовании свобода человека понимается как «необходимость действовать правильно»; при этом критерий «правильности» задается извне (экзогенно по отношению к человеку);

при институциональном опосредовании свобода человека понимается как «возможность осмысленного и целенаправленного финансового действия».

Таким образом, если гипотеза о качественно ином способе опосредования финансовых объектов (по сравнению с классическим, знаковым опосредованием естественно-научных объектов) не беспочвенна, тогда появляется возможность определения *статуса финансовых теорий и границ их реалистичности (реализуемости на практике)*.

То, что до сих пор принято называть «финансовой теорией»¹ – научной теорией (в классическом смысле) не может быть по простой причине: ни одна финансовая теория не описывает неизменный и законосообразный объект (как это делает любая естественно-научная теория). Как показал анализ, в финансовой науке «теорией» принято называть ни что иное, как взаимосвязанную совокупность идей, на базе которых предполагается осуществлять действия либо по изменению общественной ситуации (теории государственных финансов), либо по достижению частного финансового результата (теории финансового менеджмента). И в этом смысле правильнее было бы относить теоретические финансовые разработки к понятию «финансовая концепция» [2, с. 77; 12, с. 263].

Исходные предпосылки финансовых теорий-концепций, о которых речь шла выше, в силу их идеалистичности, не могли позволить реализацию их положений в обыденной жизни. Поэтому, чтобы та или иная теория-концепция могла получить практическую реализацию, приходится десятилетиями выращивать и укоренять в сознании людей соответствующий финансовый институт «под» конкретную совокупность идеальных посылок и соответствующих им процедур. Если подобное удастся, финансовая теория-концепция становится действенным инструментом в руках государства или частной финансовой структуры (частного инвестора, организации). Как нам представляется, именно эти случаи имеют в виду Ю. Бригхем и Л. Гапенски, говоря о том, что «часто действительность достаточно близка к ситуации, предполагаемой исходными условиями теории» [3, с. 3], а «некоторые теории, пользовавшиеся одно время широким признанием, позднее оказались несостоятельными» [там же, с. 31].

Одним из подтверждений гипотезы о том, что институционализованные финансовые структуры служат в качестве механизмов реализации финансовых теорий-концепций говорит, например, тот факт, что теория дисконтированного денежного потока была практически реализована лишь спустя 24 года после своей разработки [там же, с. 3]. Понадобилось почти четверть века, чтобы создать и укоренить организационные механизмы эмиссии, обращения и

¹ На наш взгляд, это – дань исторической традиции, не более того.

«уничтожения» (обесценивания) инвестиционных денежных номиналов, ценность которых зависит от материальных благ, создаваемых в будущем.

Доказательства того, что реализация финансовой теории требует создания институционализированных организационных механизмов в области практической финансовой деятельности, легко найти не только в финансовом менеджменте, но и в государственных финансах. Все финансовые теории, созданные на Западе в XX в. (как в кейнсианской линии, так и в неоклассической) в обязательном порядке предполагали соответствующие (теориям) изменения процедур работы государственных финансовых институтов: государственного бюджета, налогообложения, инвестирования и др. [2, с. 78]

Заключение

Таким образом, подводя итог проведенному анализу отношений финансовых теорий и финансовых институтов, можно сформулировать следующие *выводы*.

1. Предмет финансовой науки имеет смысл обсуждать только по отношению к конкретной, исторически сформировавшейся модели финансов¹. Соответственно, для разных онтических представлений финансов и предметные конструкции финансовой науки должны быть разными².

2. Финансовое знание (теория-концепция), полученное в рамках конкретной модели финансов, не соответствует ни одному из требований научности, действующих для естественно-научного знания: финансовые объекты изменчивы; финансовые факты зависимы от получаемых в науке финансовых знаний; ученый-финансист не может быть пассивным созерцателем финансовых явлений, он должен быть непосредственно действующим лицом либо участником осуществляемых кем-то действий; финансовые теории-концепции предназначены не для описания и объяснения «законов финансовых явлений», а для целенаправленных организационно-управленческих действий в обществе.

3. Реализуемость финансовых теорий-концепций может быть обеспечена только в рамках функционирования соответствующих финансовых институтов; изменение институциональных структур с необходимостью предполагает изменение (замену) финансовых теорий-концепций.

4. Предметная область финансовой науки строится не по отношению к идеальным объектам (как в естественных науках), а по отношению к идеальным процедурам финансовых институтов; предмет финансовой науки, по крайней мере, двухплоскостной: включает слой теоретических конструкций (концептуальных идей) и слой их практической реализации в нормативно заданных процедурах финансового института.

Сформулированные выводы можно схематизировать следующим образом (рис. 6; [2, с. 84]).

¹ В работе [2, с. 5–51] сделана попытка описать три исторические модели финансов: государственных финансов рыночной экономики, частных финансов и советских финансов.

² На наш взгляд, вывод, который сделал в начале XX в. А.А. Никитский («финансовая наука – едина, не может быть нескольких финансовых наук» [20, с. 10]), в современных условиях потерял свою актуальность и не может считаться обоснованным.

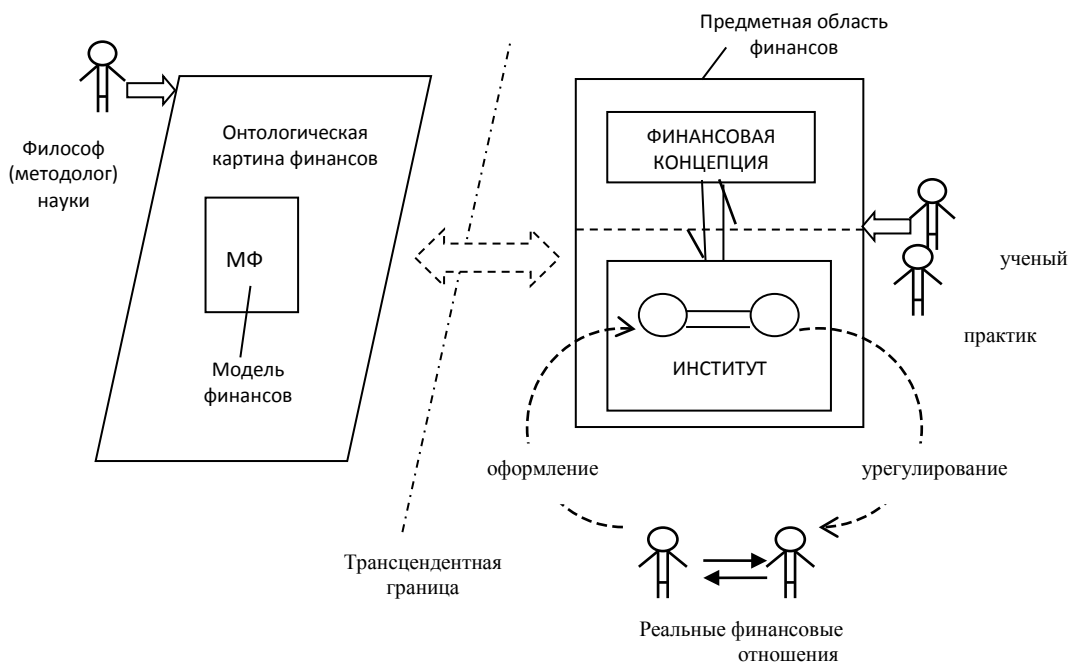

Рис. 6. Схема организации институционализированных финансовых отношений

На рис. 6 показано, что предметная область финансовой науки должна соотноситься с соответствующей моделью финансов (в рамках конкретных онтических представлений мира финансов). С другой стороны, реальные финансовые отношения людей (финансовые сделки, налоговые платежи, исполнение бюджета и т. п.) опосредуются институциональными структурами (функциональными местами и идеализированными процедурами финансовых институтов).

Таким образом, финансовая наука оказывается неразрывно связанной с практически осуществляемой, нормированной финансовой деятельностью, а ученый-финансист не может разрабатывать финансовые теории независимо (в отрыве) от позиций финансиста-практика или государственного деятеля.

Схема рис. 6 позволяет не только объяснить, как соотносится традиционное финансовое знание с институционально организованной финансовой практикой, но и сформулировать практические следствия нарушения требований данной схемы.

Первое следствие. Изменения в работе и устройстве финансовых институтов с неизбежностью должно влечь необходимость пересмотра финансовых «теорий» (концептуальных идей).

Второе следствие. Сохранение прежних (из «старой» онтики) финансовых институтов в практике финансовой деятельности приводит к принципиальной неработоспособности «новых» (заимствованных из другого мира финансов) финансовых теорий.

Третье следствие. Несформированность (неукорененность) тех или иных финансовых институтов делает неработоспособными (практически незначимыми) соответствующие им финансовые «теории» (концепции).

Четвертое следствие. Отсутствие онтической картины (и соответствующей ей модели финансов), адекватно объясняющей реальные финансовые от-

ношения, сложившиеся (складывающиеся) в обществе, не позволяет создать финансовые «теории» (концепции) и выращивать финансовые институты, необходимые для организации (упорядочения) реально существующих финансовых отношений.

Сформулированные следствия могут служить объяснением многих (если не всех) финансовых проблем современной России.

Список использованной литературы

1. Аристотель. Метафизика / Аристотель ; пер. с греч. А.В. Кубицкого. – М. : Эксмо, 2006. – 608 с. – (Антология мысли).
2. Берёзкин Ю.М. Проблемы и способы организации финансов / Ю.М. Берёзкин. – 2-е изд. – Иркутск : Изд-во БГУЭП, 2006. – 248 с.
3. Бригхем Ю. Финансовый менеджмент : полный курс : в 2 т. / Ю. Бригхем, Л. Гапенски. – СПб. : Экон. школа, 1997. – Т. 1. – 497 с.
4. Булгаков С.Н. Философия хозяйства / С.Н. Булгаков. – М. : Наука, 1990. – 412 с.
5. Буковецкий А.И. Введение в финансовую науку / А.И. Буковецкий. – Ленинград, 1929. – 260 с.
6. Вебер М. Избранные произведения / М. Вебер. – М. : Прогресс, 1990. – 805 с.
7. Власов М.В. Содержание современного экономического института / М.В. Власов, А.Ю. Веретенникова // Журнал экономической теории. – 2011. – № 4. – С. 33–45.
8. Иваницкий В.П. Формирование и развитие финансового механизма на основе распределения денежных накоплений промышленности: теория и методология / В.П. Иваницкий. – Иркутск : Изд-во ИГУ, 1984. – 196 с.
9. Иловайский С. Финансовое хозяйство и финансовая наука / С. Иловайский. – Б.м. : Б.и., 1908. – 592 с.
10. Кант И. Критика чистого разума / И. Кант ; пер. с нем. Н. Лосского. – М. : Эксмо, 2006. – 736 с. – (Антология мысли).
11. Кейнс Дж. Общая теория занятости, процента и денег / Дж. Кейнс. – М. : Прогресс, 1978. – 494 с.
12. Кондаков Н.И. Логический словарь-справочник / Н.И. Кондаков. – М. : Наука, 1975. – 717 с.
13. Копылов Г. Научное знание и инженерные миры / Г. Копылов // Кентавр: методологический и игротехнический альманах. – 1996. – № 1. – С. 16–22.
14. Мамардашвили М. Классический и неклассический идеалы рациональности / М. Мамардашвили. – 2-е, испр. автором изд. (автор. правку внес Ю.П. Сенокосов). – М. : Лабиринт, 1994. – 90 с.
15. Маркс К. Капитал : в 3 т. / К. Маркс. – М. : Изд-во полит. лит., 1988. – Т. 1. – 891 с.
16. Маршалл Дж. Финансовая инженерия: полное руководство по финансовым нововведениям / Дж. Маршалл, В. Бансал. – М. : ИНФРА-М, 1998. – 783 с.

17. Марача В. Исследование мышления в ММК: семиотические и институциональные предпосылки / В. Марача // Кентавр: методологический и игротехнический альманах. – 1997. – № 18. – С. 7–16.
18. Меньков Ф.А. Основные начала финансовой науки / Ф.А. Меньков. – М., 1924. – Вып. 1. – 131 с.
19. Нестеренко А. Современное состояние и основные проблемы институционально-экономической теории / А. Нестеренко // Вопросы экономики. – 1997. – № 3. – С. 42–57.
20. Никитский А.А. Основы финансовой науки и политики / А.А. Никитский. – М., 1924. – 256 с.
21. Нитти Ф. Основные начала финансовой науки / Ф. Нитти. – СПб., 1904. – 623 с.
22. Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики / Д. Норт. – М. : Фонд экон. книги «Начала», 1997. – 180 с.
23. Общая теория финансов : учеб. / под ред. Л.А. Дробозиной. – М. : ЮНИТИ, 1995. – 255 с.
24. Озеров И.Х. Основы финансовой науки / И.Х. Озеров. – М., 1908. – Вып. 1. – 535 с.
25. Пессель М.А. Финансово-кредитный механизм интенсификации общественного производства / М.А. Пессель. – М., 1977. – 230 с.
26. Платон. Собрание сочинений : в 4 т. / Платон. – М. : Мысль, 1990. – Т. 1. – 861 с.
27. Попов Е.В. Трансакционность институтов / Е.В. Попов // Журнал экономической теории. – 2011. – № 2. – С. 60–73.
28. Попов С.В. Идут по России реформы / С.В. Попов // Кентавр: методологический и игротехнический альманах. – 1992. – № 2. – С. 27–45 ; № 3. – С. 17–35.
29. Попов С.В. Классический идеал научного знания. Неклассический идеал знания / С.В. Попов // Вопросы методологии. – 1992. – № 1–2. – С. 55–57.
30. Попов С.В. Материализация метода / С.В. Попов // Метод: вчера и сегодня : материалы 1-го методол. конгр. (20–21 марта 1994 г.). – М. : Ш.К.П., 1995. – С. 89–110.
31. Попов С.В. Современное состояние методологии: цикл докладов, прочит. 30.10 – 01.11.1999 г. в г. Иркутске [Электронный ресурс] / С.В. Попов. – М. : Архив ММАСС, 1999. – Режим доступа: http://www.berezkin.info/?page_id=146.
32. Поппер К. Логика и рост научного знания / К. Поппер. – М. : Прогресс, 1983. – 605 с.
33. Пушкарева В.М. История финансовой мысли и политики налогов / В.М. Пушкарева. – М. : ИНФРА-М, 1996. – 190 с.
34. Сабанти Б.М. Развитие финансов и финансовой науки: период феодализма / Б.М. Сабанти. – Иркутск : Изд-во ИГУ, 1986. – 108 с.
35. Самуэльсон П. Экономика : в 2 т. / П. Самуэльсон. – М. : Машиностроение, 1997. – Т. 1 – 332 с. ; Т. 2. – 414 с.

36. Сенчагов В.К. Финансовый механизм и его роль в повышении эффективности производства / В.К. Сенчагов. – М. : Финансы, 1979. – 61 с.
37. Сорос Дж. Кризис мирового капитализма / Дж. Сорос. – М. : ИНФРА-М, 1999. – 262 с.
38. Фейерабенд П. Избранные труды по методологии науки / П. Фейерабенд. – М. : Наука, 1986. – 542 с.
39. Финансы капитализма : учеб. / под ред. Б.Г. Болдырева. – М. : Финансы и статистика, 1990. – 384 с.
40. Хайек Ф. Пагубная самонадеянность. Ошибки социализма / Ф. Хайек. – М. : Новости, 1992. – 190 с.
41. Ходский Л.В. Основы государственного хозяйства: курс финансовой науки / Л.В. Ходский. – СПб., 1913. – 580 с.
42. Шаститко А. Фридрих Хайек и неoinституционализм / А. Шаститко // Вопросы экономики. – 1999. – № 6. – С. 43–53.
43. Щедровицкий Г.П. Избранные труды / Г.П. Щедровицкий. – М. : Ш.К.П., 1995.
44. Щедровицкий Г.П. Оргуправленческое мышление: идеология, методология, технология: из архива Г.П. Щедровицкого / Г.П. Щедровицкий. – М. : Путь, 2000. – Т. 4. – 384 с.
45. Щедровицкий Г.П. Понимание и интерпретация схемы знания / Г.П. Щедровицкий // Кентавр: методологический и игротехнический альманах. – 1993. – № 1 (8). – С. 3–8.
46. Щедровицкий Г.П. Философия. Наука. Методология / Г.П. Щедровицкий. – М. : Ш.К.П., 1997. – 656 с.
47. Эеберг К. Курс финансовой науки / К. Эеберг. – СПб., 1913. – 592 с.
48. Эклунд К. Эффективная экономика: шведская модель / К. Эклунд. – М., 1991. – Гл. 10. – С. 205–222.
49. Янжул И.И. Основные начала финансовой науки / И.И. Янжул. – 4-е изд. – СПб., 1904. – 498 с.

Информация об авторе

Берёзкин Юрий Михайлович – доктор экономических наук, профессор, кафедра финансов, Байкальский государственный университет, 664003, г. Иркутск, ул. Ленина, 11, e-mail: bym4@mail.ru.

Author

Berezkin Yury Mikhailovich – doctor science, professor, Economy, Chair of Finance, Baikal State University, 11 Lenin St., 664003, Irkutsk, e-mail: bym4@mail.ru.